

ПУШКА РАДИ КВАРТПЛАТЫ

у Дюка была дочка, ее называли Лалой, и ей исполнилось четыре. она была его первым ребенком, а иметь детей он всегда боялся, ведь дети когда-нибудь могли бы его убить, но теперь он сошел с ума, и она его восхищала, она знала все, о чем думал Дюк, от нее к нему, от него к ней протянулась ниточка.

Дюк с Лалой ходили по магазину, они непрерывно болтали, безостановочно. говорили они обо всем, она рассказывала ему обо всем, что знала, а знала она очень много, инстинктивно, а Дюк многого не знал, но то, что мог, ей рассказывал, и не зря. им было очень хорошо вдвоем.

— что это? — спросила она.

— это кокос.

— а внутри что?

— молоко и жвачка.

— а зачем они там?

— просто им хорошо там, и жвачке, и молоку, им хорошо внутри этой скорлупы. они говорят себе: «до чего же нам здесь хорошо!»

— почему же им там хорошо?

Чарльз Буковски

— там всем было бы хорошо. и мне тоже.

— нет, тебе вряд ли. изнутри, оттуда, ты не мог бы водить машину, ты не мог бы видеть меня изнутри. изнутри ты не мог бы есть яичницу с грудинкой.

— яичница с грудинкой — это еще не все.

— а что — все?

— не знаю, может, нутро солнца, только замороженное.

— НУТРО СОЛНЦА?.. ЗАМОРОЖЕННОЕ?

— ага.

— а каким будет нутро солнца, если его заморозить?

— ну, солнце считается огненным шаром. ученые вряд ли со мной согласятся, но, по-моему, оно будет выглядеть примерно так.

Дюк взял с полки плод авокадо.

— здорово!

— ага, вот это и есть авокадо: замороженное солнце. мы едим солнце, а потом ходим, и нам тепло.

— а в том пиве, что ты пьешь, тоже есть солнце?

— конечно.

— а во мне солнце есть?

— больше, чем в ком-либо еще.

— а внутри тебя солнце, по-моему, БОЛЬШОЕ-ПРЕБОЛЬШОЕ!

— спасибо, любовь моя.

они еще походили и сделали все покупки. Дюк ничего не выбирал. Лала наполняла корзи-

ну всем, чего ей хотелось. попадалось и кое-что несъедобное: воздушные шары, цветные карандаши, игрушечный пистолет, космонавт с парашютом, который раскрывался у него за спиной, если зашвырнуть его в небо. космонавт просто классный.

кассирша Лале не понравилась. она смерила кассиршу весьма серьезным неодобрительным взглядом. бедная женщина: все лицо изрыто и опустошено — она была ходячим фильмом ужасов и сама об этом даже не догадывалась.

— здравствуй, милочка, — сказала кассирша.

Лала не ответила. Дюк на этом и не настаивал.

они заплатили и направились к машине.

— они берут наши деньги, — сказала Лала.

— да.

— а потом ты должен ночью ходить на работу и зарабатывать новые деньги. я не люблю, когда ты ночью уходишь. я хочу играть в маму. я буду мамой, а ты сыном.

— годится, я уже сын. ну, что скажешь, мама?

— годится, сынок, а ты машину водить умеешь?

— попробую.

потом они сели в машину, поехали. какой-то сукин сын задел Дюков дроссель, а когда они поворачивали налево, попытался их протаранить.

— сынок, почему люди хотят ударить нас своими машинами?

Чарльз Буковски

— это потому, что они несчастливы, мама, а несчастным людям нравится портить вещи.

— а счастливые люди бывают?

— есть много людей, которые притворяются счастливыми.

— зачем?

— просто им стыдно и страшно, но не хватает духу в этом признаться.

— а тебе страшно?

— у меня хватает духу признаться в этом только тебе — я так адски напуган, мама, что каждую минуту боюсь умереть.

— может, тебе нужна твоя бутылка, сынок?

— нужна, мама, но давай потерпим до дома.

они поехали дальше, на Норманди свернули направо. когда сворачиваете направо, им вас труднее ударить.

— ночью тебе опять на работу, сынок?

— да.

— почему ты работаешь по ночам?

— ночью темнее. люди меня не видят.

— почему ты не хочешь, чтобы люди тебя видели?

— если увидят, меня могут схватить и посадить в тюрьму.

— что такое тюрьма?

— всё — тюрьма.

— я — не тюрьма.

они поставили машину и внесли в дом продукты.

— мама! — сказала Лала. — мы привезли

продукты! замороженные солнца, *космонавтов*, все-все-все!

мама (они ее называли «Мэг») — мама сказала:

— отлично.

потом Дюку:

— черт побери, жаль, что сегодня тебе нужно идти. у меня нехорошее предчувствие. не уходи, Дюк.

— это у тебя-то предчувствие? голубушка моя, у меня это предчувствие каждый раз. без него никогда не обходится. я должен идти. иначе нам крышка. малышка все подряд побросала в корзину, от икры до мясных консервов.

— боже мой, ты что, не можешь присмотреть за ребенком?

— я хочу, чтобы она была счастлива.

— она не будет счастлива, если ты угодишь в каталажку.

— слушай, Мэг, при моей профессии приходится учитывать и такую возможность. никуда не денешься. и не о чем тут говорить. я ведь уже оттянул один срок. и мне еще повезло куда больше, чем многим.

— а может, заняться честным трудом?

— у штамповочного пресса, детка, стоять не подарок. к тому же честного труда не бывает. все равно дело кончается смертью. а я уже ступил на собственную дорожку — я, можно сказать, дантист, удаляю обществу зубы. больше я ничего не умею. уже слишком поздно. а ты знаешь, как от-

носятся к тем, кто сидел. знаешь, как с ними поступают, я тебе уже говорил, я...

— да знаю я, что ты говорил, но...

— но, но, но-о, но-о-о-о! — сказал Дюк. — дай мне договорить, черт тебя подери!

— договаривай.

— эти хуесосы-промышленники, что живут в Беверли-Хиллз и Малибу, паразитируют на рабах. эти парни специализируются на «перевоспитании» преступников, бывших заключенных. оттого и кажется, будто эта дерьмовая система условно-досрочного освобождения пахнет розами. это же надувательство, рабский труд. в советах по надзору за условно освобожденными это знают, они это знают, знаем и мы. экономим деньги для штата, работаем на чужого дядю. дерьмо. всё — дерьмо. всё. они заставляют тебя трудиться втрое больше обычного работяги, а сами обкрадывают всех и каждого в рамках закона — продают всякий хлам в десять, а то и в двадцать раз дороже фактической стоимости. но все в рамках закона, их закона.

— черт побери, я уже столько раз это слышала...

— и черт тебя побери, если ты СНОВА этого не услышишь! думаешь, я ничего не вижу, не чувствую? думаешь, мне не стоит об этом говорить? даже собственной жене? ты ведь, в конце концов, мне жена? мы ведь ебемся? живем-то мы вместе, верно?

— тебя-то наебали, это точно. а теперь ты плачешься.

— отъебись! я совершил ошибку, допустил техническую погрешность! я был молод и не разбирался в их дерьмовых трусливых законах...

— а теперь пытаешься оправдать собственную глупость!

— вот это здорово! мне это ПРАВИТСЯ, жenuшка. да ты просто пизда. пизда. всего лишь пизден-ка на ступенях белого дома, настезь распахнутая, заразная...

— ребенок слушает, Дюк.

— прекрасно. я все-таки договору. ты — пизда. ПЕРЕВОСПИТАНИЕ. ну и словечко, ну и кровопийцы эти хуесосы из Беверли-Хиллз. их жены слушают в Музыкальном центре Малера и занимаются благотворительностью, не облагаемой налогом. и при этом «Лос-Анджелес таймс» включает их в десятку лучших женщин года. а известно тебе, что с тобой делают их МУЖЬЯ? выматывают тебя на своем паршивом заводе, как собаку. урезают тебе зарплату, прикармливают разницу, и попробуй возникни! кругом сплошь дерьмо, неужели никто не видит? неужели никто НЕ ВИДИТ?

— я...

— ЗАТКНИСЬ! Малер, Бетховен, СТРАВИНСКИЙ! заставляют тебя работать сверхурочно за гроши. то и дело, черт подери, подгоняют, пинки под твой исхлестанный зад так и сыплются. а стоит тебе проронить хоть СЛОВЕЧ-

КЮ, как они тут же бросаются звонить инспектору по надзору: «сожалею, Дженсен, но я должен сказать, что ваш поднадзорный украл в кассе двадцать пять долларов. а мы ведь тоже начали было ему доверять».

— так какой же справедливости хочешь ты? господи, Дюк, прямо не знаю, что делать. тебе бы только пустословием заниматься. напьешься и твердишь мне, что Диллинджер был величайшим человеком на свете. откинешься в своем кресла-качалке, пьяный в стельку, и орешь что-то про Диллинджера. а я, между прочим, тоже живой человек. выслушай меня...

— да ебал я этого Диллинджера! он умер. справедливость? нет в Америке справедливости. существует только одна справедливость. спроси семью Кеннеди, спроси мертвых, да любого спроси!

Дюк встал с кресла-качалки, подошел к стенному шкафу, порылся под коробкой с елочными игрушками и достал пушку. сорок пятого калибра.

— вот она. это и есть единственная справедливость в Америке. это единственное, что понятно любому.

он помахал треклятой штуковиной.

Лала играла с космонавтом. парашют раскрывался плохо. все было ясно: надувательство. очередное надувательство. как и чайка с мертвенным взором. как шариковая авторучка. как

Христос, пытающийся докричаться до Папы по оборванным проводам.

— слушай, — сказала Мэг, — убери эту дурацкую пушку. я устроюсь на работу. устроюсь, ладно?

— ТЫ устроишься на работу! который раз я уже это слышу? да ты только и умеешь, что ебаться почем зря да лежать на диване с журналами и набивать рот шоколадками.

— боже мой, вовсе не почем зря — я ЛЮБЛЮ тебя, Дюк, правда люблю.

он уже устал.

— ладно, отлично. тогда убери хотя бы продукты. и приготовь мне что-нибудь до ухода.

Дюк положил пушку обратно в шкаф. сел и закурил сигарету.

— Дюк, — спросила Лала, — как ты хочешь, чтобы я тебя называла, — Дюком или папой?

— как хочешь, любимая. как тебе больше нравится.

— а почему на кокосе волосы?

— о господи, откуда я знаю! а на яйцах у меня волосы почему?

пришла из кухни Мэг с банкой гороха.

— я не позволю тебе так разговаривать с моим ребенком.

— с *твоим* ребенком. да послушай, как она говорит! совсем как я. видишь эти глаза? чувствуешь эту душу? все как у меня. твой ребенок — только потому, что она вылезла из твоей

щели и твою сиську сосала? она ничейный ребенок. разве что свой собственный.

— я требую, — сказала Мэг, — чтобы ты прекратил так разговаривать при ребенке!

— ты требуешь... требуешь...

— вот именно! — она поставила банку гороха на левую ладонь и медленно подняла. — требую.

— клянусь, если ты не уберешь с глаз моих эту банку, я, да поможет мне Бог, если он есть, ЗАПИХНУ ЕЕ ТЕБЕ В ЖОПУ НА ГЛУБИНУ, РАВНУЮ РАССТОЯНИЮ ОТ ДЕНВЕРА ДО АЛЬБУКЕРКЕ!

Мэг унесла горох на кухню. на кухне она и осталась.

Дюк подошел к шкафу, взял пальто и пушку. он поцеловал свою девочку на прощанье. она была приятней декабрьского загара, красивей шестерки белых коней, скачущих по низкому зеленеющему холму. такие мысли пришли ему в голову. они начали причинять ему боль. он поспешно улизнул. но дверь закрыл очень тихо.

Мэг вышла из кухни.

— Дюк ушел, — сказала малышка.

— знаю.

— я хочу спать, мама. почитай мне книжку. они уселись рядышком на кушетку.

— мама, а Дюк вернется?

— конечно, никуда этот сукин сын не денется.

— что такое сукин сын?

— это Дюк. я люблю его.

— любишь сукина сына?

— ага, — рассмеялась Мэг. — ага. иди ко мне, красавица. на колени.

она крепко обняла малышку.

— ой, какая ты теплая, как горячая грудинка, горячие пончики!

— ничего я и не грудинка и не ПОНЧИКИ!
САМА ТЫ грудинка и пончики!

— сегодня полнолуние. слишком, слишком светло. я боюсь, боюсь. господи, как я люблю этого парня, о боже...

Мэг порылась в картонной коробке и достала детскую книжку.

— мама, а почему на кокосе волосы?

— волосы на кокосе?

— да.

— слушай, я же кофе поставила. кажется, он сейчас выкипит. пойду выключу кофе.

Мэг ушла на кухню, а Лала осталась ждать на кушетке.

а Дюк стоял в это время у входа в винный магазин на углу Голливудского и Ломбарди и думал: что за черт что за черт что за черт.

что-то там было не так, что-то дурно паховало. в глубине магазина вполне мог сидеть и смотреть в щелку какой-нибудь козел с люгером. именно так пристрелили Луи. разнесли его в клочья, точно глиняную утку в парке с аттракционами. убийство, дозволенное законом. весь ебучий мир потонул в дерьме дозволенных законом убийств.